

Пешковский А. М.

П 23 Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с. разд. паг.

ISBN 5-94457-019-9

Настоящее, восьмое, издание печатается по тексту седьмого с добавлением статьи акад. Ю. Д. Апресяна, раскрывающей вклад «Русского синтаксиса...» в русистику и актуальность идей А. М. Пешковского для современной теоретической и прикладной лингвистики.

ББК 81.2Рус-2

Александр Матвеевич Пешковский
РУССКИЙ СИНТАКСИС
В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 30.08.2001. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 43, 86. Заказ № 4565

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru Каталог в ИНТЕРНЕТ
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал макета

в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavc@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-019-9

9 785944 570192 >

© Ю. Д. Апресян. Предисловие, 2001

Оглавление

Ю. Д. Апресян. «Русский синтаксис в научном освещении»
в контексте современной лингвистики III–XXXIII

Русский синтаксис в научном освещении 1

А. М. Пешковский и его «Русский синтаксис
в научном освещении» (проф. А. Б. Шапиро) 3

Предисловие к первому изданию 7

Предисловие ко второму изданию. 8

Предисловие к третьему изданию 9

Общая часть

I. Понятие о форме слова 11—22

Стекло – *стекл* + *о* (11). Значение той и другой части (11—13). Термины (12—13). Переносный смысл термина «форма» (13). Условия, создающие в слове форму (13—14). Переходные случаи между форменностью и бесформенностью (14—15). Нулевая форма (15—16). Несколько форм в одном слове; производная и непроизводная основа, префикс, суффикс, аффикс (16—17). Несколько основ в одном слове (17—18). Несоответствия между звуковой и значащей стороной формы слова (18—19). Чередование звуков (19). Оно может иметь формальное значение (19—20). Место ударения в слове и качество ударения как формальные признаки (21). Более точное определение формы слова (21—22). Заключительные замечания главы (22).

II. Понятие о формальной категории слов 23—29

Один и тот же аффикс может иметь одновременно несколько разнородных значений (23). Одно и то же значение может выражаться совершенно разными аффиксами (23). Из-за этого каждая форма входит в целый ряд различных формальных категорий (23—24). Формальная категория может создаваться и комплексом однородных значений (24—25), и комплексом разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм, об-

разующих категорию (26—27). Необходимость звуковой приметы для формальной категории (27). Соотношения между формальными категориями (27—28). Нулевые формальные категории (28—29).

III. Синтаксические и несинтаксические формальные категории 30—33

Падеж существительных зависит от других слов в речи, а число и род не зависят; первый образует синтаксическую категорию, а второе и третий — несинтаксические категории (30—31). У прилагательных категории и падежа, и числа, и рода — синтаксические (31). У глагола категории лица, числа, рода, времени и наклонения — синтаксические, а залога и вида — несинтаксические (31). Синтаксическая категория краткости прилагательного (31—32). Сущность разницы между синтаксическими и несинтаксическими категориями (32). Переходные явления (32—33).

IV. Понятие о форме словосочетания 34—52

Понятие о словосочетании (34—35). Форма словосочетания как комбинация форм отдельных слов (35—36). Переносный смысл слова «форма» как термина грамматики (36—37). Определения грамматики, морфологии и синтаксиса (37). Другие отделы языковедения (37—38). Формы слов несинтаксических категорий не входят в форму словосочетания (38). Но в нее входят: 1) бесформенные слова в их синтаксических значениях (39—42) и среди них особенно частичные бесформенные слова (39—42), представленные в русском языке восемью разрядами (41—42); 2) порядок слов (42—43); 3) интонация и ритм (43—44), могущие быть единственными синтаксическими признаками у однословных «словосочетаний» (44); 4) характер связей между словами (44—46). Итоги о понятии формы словосочетания (46—47). Общие и частные формы словосочетания (47—48). Расширение понятия формальной категории (48—49). Отношение интонации и свободного порядка слов к основным признакам форм словосочетаний: формальному составу и служебным словам (49—52). Интонация по большей части лишь замещает основные признаки (49—50), реже вступает с ними в органическое соединение (50—52). Значения свободного порядка слов стоят в стороне от значений основных признаков (52).

V. Связь слов в словосочетании 53—61

Формы слов синтаксических категорий устанавливают определенные отношения между словами-представлениями (53—54). Отношения эти могут быть необратимые (54) и обратимые (54—55). Различие это создается наличием звукового выразителя отношения только в одном из соотносящихся в первом случае и в обоих соотносящихся во втором (55). Необратимость связана с зависимостью слова, заключающего в себе звуковой показатель отношения, от слова, не заключающего в себе этого показателя (55—56). Ход зависимости в словосочетании, соподчинение, включение (57). Среди частичных слов союзы внутри предложения сочиняют (58), а предлоги подчиняют (59). В общем подчинение внутри предложения лежит в основе связей между словами, а сочинение лишь его дополняет (59—60). Комбинация того и другого создает четыре разновидности словосочетаний, как это показывают схемы (60). Виды подчинения: согласование, управление, примыкание (60—61).

Формы слова *чернила*, *черника*, *черныш* и т. д. объединяются по своему значению в категорию предметности, или существительности (62). То же значение выражается и другими суффиксами (62) и формами слова *чернь* и других бессуффиксных слов, т. е. формами склонения существительных (63—64). То же значение выражается у слов *рабочий*, *русский* и др. Формальные значения вообще всегда выражаются взаимодействием формы каждого отдельного слова с формами всех остальных слов в словосочетании и с формой всего словосочетания (65—66). В частности, значение предметности создается целым рядом значений форм словосочетаний (67—68). Там, где оно создается только этими средствами, получаются «синтаксические существительные» (68—69). Существительные с отвлеченными значениями, как *чернота* (69—72). Синтаксические существительные с тем же значением (72). Опредечивание всяких иных, некачественных представлений (72—73). Слова *кто* и *что* как мерки предметности (73). Управление, или «косвенный падеж», как категория несамостоятельной предметности (73). Значение категории предметности для мышления. Попытка объяснить происхождение ее (73—75). Глагол и прилагательное как выразители признаков предметов (75—77). Глагол как выразитель действительного признака (77) часто в противоречии со значением основы (77—78). Волевой оттенок в значении глагола (79—80). Прилагательное как выразитель качественного признака (80—81) часто в противоречии со значением основы (81—83). Заострение этого противоречия в притяжательных и численных прилагательных (83—84). Слово *какой* как мерка прилагательности (84). Окончательное определение категории глагола и прилагательного (84). Причина различия между ними — время и наклонение глагола (84—86). Значение категорий времени (86) и наклонения (86—87). И та и другая как выразительницы отношений к отношениям (87—88). Они должны быть признаны синтаксическими (88—89). Другие категории этого рода (89). «Объективные» и «субъективно-объективные» категории (89). Категория лица глагола совмещает в себе свойства обоих этих типов (90—92). Сравнительное значение категорий лица, времени и наклонения для категорий глагольности (92). Категории падежа, числа и рода прилагательных (92). Категория рода существительных. Ее морфологическая сторона (93—94); ее значение (94). Существуют ли бесформенные (синтаксические) глаголы и прилагательные? (94—95). Значение категории наречия (95—96). Морфологическая классификация наречий (96—100). Наречия обстоятельственные, необстоятельственные (101), качественные и количественные (101—102). Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие как основные части речи (102).

VII. Смешение, замена и переходные случаи в области частей речи 103—152

Смешение частей речи в широком смысле слова; при словообразовании (103—104). Смешение частей речи в узком смысле слова: частные глагольные категории у неглаголов (104). Категория вида. Общее ее значение (104—105). Совершенный и несовершенный виды. Трудности изучения. Морфологическая пестрота (105—106). Наличие нескольких видовых оттенков в одних и тех же основах (106—107). Существующие толкования (107—108). «Точечное» и «линейное» значения совершенного и несовершенного вида (108—110). Отсутствие настоящего времени у совершенно-

го вида как результат «точности» (110—111). Частные видовые оттенки могут противоречить общим (111). Категории вида у существительных, прилагательных и наречий (111—113). Причастия и деепричастия (112—113). Категория залога; форма или категория? (113) Значения отдельных групп возвратных глаголов (114—121). Общее значение возвратно-залоговой категории (121—122). Залоги причастий и деепричастий (122—124). Непричастные прилагательные и существительные с частичными залоговыми значениями (124—125). Категории времен у деепричастий (125—127) и причастий (127) в их отличиях от категорий времен глагола. Инфинитив. Происхождение его (128—130). Современное значение (129—130). Сравнение с глагольным существительным (130—131). Почему он так близок к глаголу? (131) Глагол, причастие, деепричастие и инфинитив образуют общую группу глагола в широком смысле слова (132—133). Субстантивирование прилагательных. Общие условия его (134—135). Подразумевается ли существительное? (135—136) Особенности субстантивированного среднего рода прилагательных (137—138). Синтаксические отличия субстантивированного прилагательного от существительного (138). Отличия субстантивирования от прочих видов опущения (138—140). Лексическое адъективирование существительных (140—141). «Замена» не есть «превращение» (141—142). Переходные факты в области частей речи. Образование наречий из прилагательных и существительных (142—144). Промежуточные случаи (144—146). Образование непричастных прилагательных из причастий (146—147) и наречий из деепричастий (147). Образование служебных слов из полных (148); предложные наречия и предложные деепричастия (148—149). Слова, не входящие ни в один из разрядов частей речи (149—151). Слова, входящие одновременно в два разряда; сравнительная форма (151—152).

VIII. Местоименность..... 153—164

Части речи, недостающие в данной книге по сравнению со школьным канонem (153—154). Своеобразие грамматической природы местоимений (154—156). Разряды их (156—158). Переходы между местоимениями и неместоимениями (158). Синтаксическое значение местоимений (158—159). Особенности русского языка в употреблении возвратных местоимений (159—162). Сбивчивость их значения (162—164).

IX. Сказуемость..... 165—182

Оттенок соответствия акту мысли заключен в значении некоторых слов независимо от их интонирования (165). Этот оттенок заключен в глаголах (166), в словах, которые употребляются только при глагольных связках (166—167), и в нескольких других словах, связанных по значению с глаголами (167—168). В побудительных словах и междометиях его нет (168—169). Соответствие между глагольностью и сказуемостью (169). Выражение сказуемости посредством интонации (169—170). Соотношение этого способа с чисто формальным (170—173). Выражение сказуемости посредством категории именительного падежа в соединении с интонационными средствами (173—178) и инфинитива в соединении с теми же средствами (178—179). Итоги о сказуемости (179—180). Классификация форм словосочетаний русского языка как основа для «специальной части» книги (180—182).

Специальная часть

X. Глагольные личные нераспространенные предложения с простым сказуемым 183—214

Состав данной формы словосочетания. Подлежащее и сказуемое (183). Значение подлежащего (183). Согласование сказуемого с подлежащим. Признаки самостоятельности сказуемого в формах лица (183—187), числа (187—188), рода (188—191). Признаки несамостоятельности его в тех же формах (191—193). Частичное согласование при сказуемом в повелительном наклонении (193—197) и полное отсутствие согласования при 1-м лице множественного числа этого наклонения (197—198). Отсутствие согласования при ультраграмматическом виде глагола (198—199) и при бесформенных сказуемых (199—200). Бесформенные и иноформенные подлежащие (200—201). Способы согласования с ними сказуемого (201—203). Инфинитив как заместитель подлежащего (203—204). Второстепенные оттенки категории времени (204—205) и наклонения (205—208) в сказуемом. Замена времен и наклонений. Общие условия (208—209). Замена времен (209—213). Замена наклонений (213—214).

XI. Глагольные личные нераспространенные предложения с составным сказуемым 215—255

Состав данной формы словосочетания (215). Понятия глагольной связки, предикативного члена и составного сказуемого (216—221). Внутреннее отличие составного сказуемого от простого (221—222). Значение подлежащего при составном сказуемом (222). Типы предикативных членов: 1) краткое прилагательное (223—226), 2) краткое страдательное причастие (226—227), 3) полное прилагательное в именительном падеже (227—231), 4) полное прилагательное в творительном падеже (231—232), 5) сравнительная форма (232—233), 6) существительное в именительном падеже (233—243), 7) существительное в творительном падеже (243—247), 8) существительное в разных падежах с предлогом и в родительном без предлога (247—248), 9) наречие (248—249). Вещественная связка и вещественное составное сказуемое (249—254). Полувещественные связки (254). Бесформенные связки (254—255).

XII. Глагольные личные нераспространенные предложения с предикативным членом и нулевой связкой 256—282

Отсутствие связки в предикативных сочетаниях, параллельных по составу сочетаниям, рассмотренным в предыдущей главе (256—258). Значения времени и наклонения в этих сочетаниях (258—261). Понятие нулевой связки (259) и нулевого глагольного сказуемого (261). Другие взгляды на сочетания с нулевой связкой (261—263). Типы этих сочетаний: 1) нулевая связка и краткое прилагательное (263—264), 2) нулевая связка и краткое страдательное причастие (264—265), 3) нулевая связка и полное прилагательное в именительном падеже (265—267), 4) нулевая связка и полное прилагательное в творительном падеже (267), 5) нулевая связка и сравнительная форма (267), 6) нулевая связка и именительный падеж существительного (267—268), 7) нулевая связка и творительный падеж существительного (269—272), 8) нулевая связка и разные падежи существительных с предлогом или родительный падеж без предлога (272—273), 9) наречие (273—274). Более редкие виды предикативных членов (с нулевой связкой): 1) деспричастия

кие виды предикативных членов (с нулевой связкой): 1) деепричастия (274), 2) нестрадательные причастия (275), 3) инфинитивы (275—279), 4) именительный падеж существительного или прилагательного с союзом *как* (280), 5) именительный предикативный с тавтологическим творительным усиления (280), 6) различные бесформенные слова (280—282).

XIII. Глагольные личные распространенные предложения 283—340

Понятие второстепенного члена и распространенного предложения (283—284). Типы двухсловных словосочетаний, входящих в состав распространенного предложения. 1. Глагол + управляемое им существительное. Управление непосредственное и посредственное (284—285), сильное и слабое (285—286). Особенности слабого управления (286—287). Отсутствие резкой границы (287—288). Переходность и непереходность глаголов (288—290). Косвенные падежи, среди них количественный и местный (290—291). Особенности винительного падежа (290). Методология падежных значений (291—292). *Подтип 1-й*. Беспредложные сочетания. Винительный падеж (292—296). Родительный падеж. (296—299). Дательный падеж (299—301). Творительный падеж (301—304). Количественный падеж (304). *Подтип 2-й*. Предложные сочетания. Предлоги *в* (304—307), *на* (307), *под* (308), *над* (308), *за* (308—310), *перед* (310), *против* (310—311), *у* (311), *с* (311—313), *без* (313), *из* (313—314), *из-за* (314), *из-под* (314), *к* (314—315), *от* (315—316), *для* (316), *ради* (316), *до* (316—317), *кроме* (317), *вместо* (317), *между*, *меж* (317 318), *среди* (318), *через*, *чрез* (318), *сквозь* (318), *о*, *об* (318 319), *про* (319), *при* (319), *по* (320—321). 2. Существительное + управляемое им другое существительное. Типы, общие с типами глагольного управления (321—322). Специально-присубстантивные типы: 1) родительный присубстантивный (322—324), 2) дательный присубстантивный (324—325), 3) присубстантивное сочетание «к + дательный падеж» (325). Соотношения присубстантивности и предикативности (325—326). 3. Прилагательное + управляемое им существительное (326—327). 4. Сравнительная форма + управляемый ею родительный падеж существительного (327—328). 5. Составное сказуемое + управляемое им существительное (328—329). 6. Прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное (329). 7. Существительное + примыкающая к нему сравнительная форма (329). 8. Однопадежные сочиненные сочетания: 1) цельные сочетания (329—331), 2) раздвоенные сочетания (331—334). 9. Однопадежные сочиненно-подчиненные сочетания с союзом *как* (334—336). 10. Глагол + примыкающий к нему инфинитив (336—338). 11. Существительное + примыкающий к нему инфинитив (338). 12. Прилагательное + примыкающий к нему инфинитив (338—339). 13. Составное сказуемое + примыкающий к нему инфинитив (339). 14. Глагол + примыкающее к нему наречие (339). 15. Прилагательное + примыкающее к нему наречие (339). 16. Существительное + примыкающее к нему наречие (339). 17. Глагол + примыкающее к нему деепричастие (339). 18. Наречие + примыкающее к нему наречие (339). 19. Связочные, но непредикативные сочетания (339—340).

XIV. Глагольные безличные предложения 341—369

Понятие безличного глагола (341—342). Безличный глагол как сказуемое безличного предложения (342—343). О терминах (343—344). О происхождении (344—345). Два типа безличных глаголов (346—347). Употребление

личных глаголов в смысле безличных (347—351). Безличный нулевой глагол и безличная нулевая связка (351—352). Специальные безличные конструкции: 1) в ухе звенит (353)¹, 2) громом ударило (353), 3) (мне) холодно было (ехать) (354—359), 4) (мне) можно было (ехать) (359—361), 5) (мне) приказано было (ехать) (361—363), 6) (мне) следовало (ехать) (363—365), 7) не было хлеба (365—367), 8) не было ничего сделано (367), 9) было много хлеба (367—369). Частица *оно* в безличных предложениях (369).

XV. Глагольные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения 370—376

Неопределенно-личные предложения (370—371). Обобщенно-личные предложения (372—375). Типы эти как формы мышления (375). Стилистическое и социальное значение 2-го типа (375—376).

XVI. Номинативные предложения 377—380

Отличия номинативных предложений от неполных глагольных с именительным подлежащим (377—378). Экзистенциальные предложения (379). Указательные предложения (379—380). Назывные предложения (380).

XVII. Инфинитивные предложения 381—385

Предложения объективной необходимости (381—382). Предложения субъективной необходимости (382). Предложения желания (382). Предложения восклицательные (382—383). Предложения колебания (383). Предложения вопросительные (383—384). Оттенки значений придаточности и усиления в инфинитивных предложениях (384—385).

XVIII. Отрицательные предложения 386—391

Понятие об отрицательном предложении (386—387). Частно-отрицательные и обще-отрицательные предложения (388). Отрицательные члены предложения (389). Повторение отрицательных слов (389). Уступительно-обобщительные отрицательные предложения (390). Нерешительные отрицательные предложения (390—391).

XIX. Вопросительные, восклицательные и повелительные предложения 392—395

Понятия вопроса, восклицания и повеления (392). Формальные признаки вопросительных предложений (393—394), восклицательных (394—395), повелительных (395).

XX. Неполные предложения 396—403

Понятие неполного предложения (396—397). Факторы, создающие неполноту (397—399). Неполнота с фразеологической и синтаксической точки зрения (399). Типы неполных предложений: 1) без подлежащего (399—400), 2) без сказуемого (400—401), 3) без связки (401—402), 4) без предикативного члена (402), 5) без управляемого падежа, но с управляю-

¹ Ввиду отсутствия терминов мы обозначаем здесь для краткости, в отличие от текста, каждую конструкцию на и более ходовым фразным примером.

щим им глаголом (402), б) без существительного, но с согласованным с ним несубстантивированным прилагательным (402—403). Неполные предложения без нескольких членов. Заключительные замечания (403).

XXI. Слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей..... 404—411

Именительный представления (404—407). Обращение (407—409). Вводные слова и словосочетания (409—411). Междометия (411).

XXII. Обособленные второстепенные члены..... 412—436

Понятие об обособленных второстепенных членах (412—416). Отличие обособления от простого интонационного членения (416—419). Общие условия обособления: 1) добавочные синтаксические связи, выражаемые только интонацией (419—420), 2) порядок слов (420—422), 3) объем обособляемой группы (422—423), 4) соседство (423), 5) намеренное отделение (423—424). Отдельные разряды обособленных второстепенных членов: I. Обособленное управляемое существительное (424—425). II. Обособленное прилагательное (425—429). III. Выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное (429—431), дополнительные замечания к последним двум разрядам (431—432). IV. Обособленные примыкающие члены: а) наречие (432), б) присубстантивная сравнительная форма (433), в) деепричастие (433—435). Случаи, когда невозможно произвести обособление, несмотря на наличие потребных для него условий (435—436).

XXIII. Словосочетания со счетными словами 437—440

Счетные слова и части речи (437). Управление при счетных словах. Согласование при счетных словах (437—438). Особенности конструкций при словах *два, три, четыре* (438—440).

XXIV. Слитные предложения 441—454

Общее значение союзов внутри предложения (441—443). Понятие однородных членов и слитного предложения (443—445). Интонационное выражение однородности (443—445). Союзы, употребляющиеся в слитных предложениях (445—446). Мелкие явления в области слитных предложений (446—448). Деление союзов слитного предложения на соединительные, разделительные и противительные (448—450). Особенности согласования в слитных предложениях (450—453). Промежуточное положение слитных предложений между одиночными предложениями и сложными целыми (453—454).

XXV. Сложное целое..... 455—461

Сочетание предложений посредством союзов и союзных слов (455—456). Интонационное сочетание предложений и его отношение к союзному; понятие сложного целого (456—459). Абзац (459). Фраза, простая и сложная, и ее отношение к предложению (459—461).

XXVI. Сочинение и подчинение предложений..... 462—474

Отношения между предложениями складываются по тем же двум типам обратимости и необратимости, что и отношения между словами внутри

предложения (462), причем необратимость и здесь зависит от того, что показатель отношения, т. е. союз, сцеплен по значению с одним из соотносящихся (463—465). Союзы, употребляющиеся в слитном предложении, сочиняют, а все прочие — подчиняют (465). При подчинении предложение, начинающееся союзом, есть тем самым подчиненное предложение, независимо от логических и психологических соотношений (465—466). Необратимость, вызываемая не значением союза, а иными факторами, не в счет (466). Как исключения следует рассматривать: а) подчинение посредством двойных союзов (466—467), б) взаимное подчинение (467—468), в) сочетание подчинения с сочинением в одной паре предложений (468) Внесение подчинения в соотношения между однородными членами слитного предложения (468). Соподчинение и включение в сложных целых (468—470). Бессоюзное сочинение и подчинение (470—472). Сочинение и подчинение после разделительной паузы, неполное сложное целое (472—473). Генетические соотношения бессоюзия, сочинения и подчинения (473—474).

XXVII. Сочинение предложений..... 475—479

Сочинение в сложном целом (475—477). Сочинение после разделительной паузы (477—479).

XXVIII. Подчинение предложений 480—501

Подчинение в сложном целом. Подчинение посредством союзов. Союзы причинные (480—481), целевые (481—482) следственные (482—483), изъяснительные (483—486), служащие и для выражения косвенной речи (484—486), которая у нас часто смешивается с прямой (485), между прочим и в области употребления времен (485—486), пояснительные (486—487), условные (487—489), уступительные (489—490), сравнительные (490—491), временные (491—493). Подчинение посредством союзных слов (494—496), косвенно вопросительное подчинение (497). Собственно относительное подчинение (497—500). Подчинение после разделительной паузы (500—501).

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

1. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВА.

Огромное большинство слов русского языка распадается в нашем уме на части. Возьмем, например, слово *стекло*. Оно нам кажется состоящим как бы из двух частей: *стекл-* и *-о*. Происходит это оттого, что мы невольно, сами того не сознавая, сравниваем слово *стекло* с другими словами, на него похожими. Так, мы сравниваем его со словами *стекла*, *стеклу*, *стеклом*, *стеклянный*, *стеклышко*, *стекляшка*, *застеклить*, *стеклярус* и т. д. От этого сравнения у нас выделяется в сознании сходная во всех этих словах часть *стекл-*. В то же время мы сравниваем слово *стекло* и с такими словами, как *весло*, *помело*, *перо*, *серебро*, *полотно*, *сукно*, *долото*, *кольцо* и т. д. От этого сравнения у нас выделяется сходная часть *-о*. Таким образом, *стекло* и распадается на *стекл + о*.

Слова, которые при таком сравнении приходят нам в голову, сходны со словом *стекло* не только по звукам, но и по значению. Никому не придет в голову сравнивать слово *стекло* с прошедшим временем глагола *стекать* (например, *вода стекла в канаву*), а также никто не найдет никакого сходства между такими словами, как *стекло*, *весло*, *долото* и т. д., и такими, как *легко*, *смешно*, *хорошо*, *умно* и т. д. Сразу чувствуется, что это *стекл-* в прошедшем времени глагола *стекать* совсем не то, что *стекл-* в слове *стекло*, и это *-о* в словах *легко*, *смешно*, *хорошо*, *умно* и т. д. совсем не то, что *-о* в слове *стекло*. Значит, слово *стекло* первой своей частью (*стекл-*) и по звукам и по значению сходно со словами *стекла*, *стеклу*, *стеклянный* и т. д., а второй своей частью (*-о*) тоже и по звуку и по значению сходно со словами *весло*, *помело*, *окно*, *сукно* и т. д. А стало быть, наше *стекло* распадается не на две бессмысленные группы звуков, а на части, и имеющие значения. Вот этими значениями-то мы и займемся.

Посмотрим прежде всего на первую часть *стекл-*. В ней, в сущности, уже назван тот предмет, о котором идет речь. Это уже почти слово, и если какой-нибудь иностранец скажет нам вместо *стекло* — *стекл*, мы можем даже понять, о чем он говорит. Значит, это *стекл-* обозначает главное в слове, обо-

значает ту вещь, которая в этом слове названа. Поэтому мы можем сказать, что оно имеет здесь основное, или вещественное значение. Конечно, не всегда это будет настоящая вещь, которую можно было бы схватить руками. В словах, например, *зло*, *добро* вещественные части *зл-* и *добр-* обозначают не вещи, а качества. Но все-таки и тут они обозначают главное в нашей мысли, обозначают то, о чем мы думаем, и притом нечто все-таки связанное с вещами: всякому сразу ясно, от каких вещей взяты эти *зл-* и *добр-*. Совсем не такое значение имеет вторая часть — *-о*. Отдельно она ровно ничего не значит, и если тот же иностранец скажет нам только *о*, мы уж решительно не будем знать, что он хочет сказать. Приставленная же к первой части, она тотчас же приобретает значение, но значение совсем особенное: не вещественное, а грамматическое. Она показывает, что перед нами имя существительное среднего рода именительно-винительного падежа единственного числа. Конечно, такие грамматические частички настолько же необходимы для русского языка, как и вещественные, потому что без них нельзя было бы ничего точно распознать. Если бы, например, кто-нибудь сказал *оки стекла*, то нельзя было бы понять, что он хотел сказать: *оконные стекла* или *стеклянные окна*. Если бы мы услышали что-нибудь вроде *дешев стекла куп*, то мы бы не знали, хочет ли человек этим сказать: *дешево стекла купил*, или *дешевы стекла — купите*, или *дешевые стекла купца* и т. д. Но все-таки в отдельном слове главное значение сосредоточено в вещественной, а не в грамматической части, т. е. в данном случае в *стекл-*, а не в *-о*. Это *-о* существует в сотнях других слов, имеющих всевозможные значения, а *стекл-* существует в сравнительно немногих словах и всем им придает одно и то же основное значение, означая вещество, которое изготавливается из сплава песка с поташом и обладает способностью пропускать свет. Выходит, таким образом, что первая часть (*стекл-*) хотя и заключает в себе почти все значение слова, а все-таки еще не слово, а какой-то обрубок, что-то бесформенное. Вторая же часть (*-о*) отдельно ничего не значит, а прильнув к первой, сразу делает ее настоящим словом, придает ей вид слова, форму слова. И из одного такого бесформенного обрубка с помощью разных таких частичек можно сделать много разных слов (*стекло*, *стекла*, *стеклу*, *стеклянный* и т. д.), все равно как из одного куса бронзы, имея разные формы, можно отлить много разных статуэток. Вот почему все такие частички и называются **формальными частями слов**, а те части, которым они придают форму, — **основными**, или **вещественными частями**. И самая возможность для слова распадаться на такие две части называется **формой слова**. Далеко не все слова русского языка обладают такой возможностью. В таких словах, например, как *вчера*, *без*, *или*, *ах*, *нет*, *неужели*, *какаду*, *резюме* и т. д., мы не можем

различить ни основы, ни формальной части. В них, стало быть, нет формы. Слова же *стекло, стекла, стеклянный, стекляшка* и т. д. обладают формой.

Слово *форма* употребляется и в несколько ином смысле. Говорят, например: „Назовите форму род. пад. от слова *стол!*“ Или: „*Стола, стула, кресла* и т. д. суть формы род. пад. ед. ч.“. Здесь, значит, сами эти слова *стола, стула, кресла* названы „формами“. Это уже переносный смысл термина. Как мы обладателя баса или тенора называем прямо „басом“ или „тенором“ (*наш знаменитый бас уехал за границу*), как обладателя картуза или шляпы можем иной раз прямо назвать „картузом“ или „шляпой“ (*эй, ты, шляпа, поди сюда!*), так и слово, обладающее формой, можно назвать прямо „формой“. Обычно этот перенос значения идет и еще дальше. Как статую Венеры называют прямо Венерой, а тело, имеющее форму шара, прямо шаром, так и слово, имеющее форму род. пад., называют прямо „родительным падежом“. Говорят, например, при разборе: „*стола* — родительный падеж от слова *стол*“. Практически такие сокращения, конечно, необходимы, и мы сами ими будем в дальнейшем постоянно пользоваться, но все же не следует забывать их истинного смысла; не следует забывать, что *стола* не есть само по себе ни род. пад., ни форма, а прежде всего слово, что слово это распадается в нашем сознании на *стол + а*, следовательно, имеет ту особенность или то свойство, которое называется в грамматике *формой*, и что, наконец, формальная часть этого слова *-а* имеет значение, свойственное категории род. пад. (см. гл. II). Вот что, собственно, означает выражение: „*стола* — родительный падеж“.

Как видно на примере слова *стекло*, для того чтобы слово имело форму, нужно, чтобы в языке существовало два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово:

стекл о, окно, весло, сукно, долото и т. д.
стекл а
стекл янный
стекл яшка
стекл ышко
и т. д.

В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд нашей схемы), в другом — та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд схемы). Только вследствие такого двойного сравнения и происходит, как мы видели, распадение слова на части. Понятно, что если для какого-нибудь слова таких двух рядов в языке не находится, ясно выраженной формы в нем быть не может. Возьмем, например, слово *домой*.

Для него в русском языке имеется только вертикальный ряд нашей схемы:

дом ой
дом
дом а
дом у
дом ом
дом ашний
дом овый
дом овничать
и т. д.

горизонтального же ряда, который должен был бы иметь вид:

**домой, *городой, *лесой, *столой, *стулой* и т. д.,

в языке нет. И в результате слово *домой*, несмотря на близость общего значения этого слова к вещественному значению прочих членов вертикального ряда, не распадается четко по звукам и значению на *дом + ой*, а является бесформенным. Вот почему оно так резко отличается в нашем сознании от косвенных падежей слова *дом*, вот почему и считается так называемым „наречием“. Или возьмем, положим, слово *вчера*. Для него мы могли бы подобрать горизонтальный ряд:

вчера, завтра, иногда, всегда, тогда, когда.

Однако мы уверены, что наше сближение покажется всякому читателю довольно неожиданным. И это потому, что в слове *вчера* для нас совсем не выделяется ни часть *вчер-*, ни часть *-а*, с которой оно могло бы быть сходно и по звуку и по значению со словами *завтра, иногда* и т. д. А не выделяются для нас эти части потому, что тут не хватает вертикального ряда нашей схемы, т. е. таких слов, как **вчер, *вчеру, *вчером, о *вечере* и т. д. По той же причине мы не выделяем и части *-да* в словах *иногда, всегда, тогда, когда*.

Собственно говоря, между полным обладанием формой и полной бесформенностью существует огромное количество переходных ступеней. Язык вообще „не делает скачков“. В слове *домой*, например, по сравнению со словом *ах* мы можем уловить некоторую форменность, заключающуюся в том, что один из элементов, образующих форму, именно вещественная часть (*дом-*), здесь до некоторой степени просвечивает по связи со словами *дом, дома, дому* и т. д. Но проявиться в сознании вполне как грамматическая составная часть слова он, конечно, не может, так как то, с чем он должен был бы соотноситься, часть *-ой*, не выделяется

здесь как особая формальная часть русского языка. Если сравнить слово, обладающее формой, с линией, состоящей из двух отрезков разного цвета, резко граничащих по цвету друг с другом (положим, красной и синей), то такое слово, как *домой*, представится линией, начинающейся резко красным цветом, но переходящей затем постепенно в неопределенно серый цвет. В народных говорах, где существует *тудой, кудой, судой*, уже и вторая часть линии начинает слабо окрашиваться. В таких словах, как *пешком, ползком, ничком, босиком, нагишом* и т. д., этой окраски еще больше, так как здесь не может не быть связи с настоящими творительными падежами как вследствие многочисленности таких слов, так и вследствие некоторой однородности их значения, близкого, в свою очередь, к некоторым оттенкам значения творительного падежа, тем более что между этими словами и настоящим творительным падежом мы находим в качестве промежуточных звеньев такие слова, как *бегѳм, кругѳм* и т. д., отличающиеся от творительных падежей уже только ударением (*эта лошадь замечательна своим бѳгом, я недоуолен этим кругѳм* и т. д.). И здесь само отличие в месте ударения уже начинает играть роль формального признака (см. ниже, стр. 21). Еще большую форменность можно констатировать, например, в таких словах, как *напропалую, наудалую, враспынную, вплотную, впустую, всухую, вчистую, втемную, вслепую, вничью, в открытую, вкрутую, вкрутку, всмятку, в обнимку, вприкуску, вприглядку* и т. д. Здесь уже возможны даже новообразования по данному образцу, и во всяком случае значение приставки-предлога *в* в своеобразном сочетании с винительным падежом женского рода прилагательного или существительного в некоторых из них уже слишком ясно. Вообще огромное большинство так называемых „неграмматических наречий“ (см. стр. 99), в сущности, в той или иной степени форменно, а совершенно бесформенных наберется, может быть, только десяток-другой (*там, здесь, тогда, как* и т. д. по большей части местоименные).

Некоторые слова не распадаются на части, а в то же время имеют форму. Возьмем, например, слово *стол*. Тут нет совсем формальной части, а между тем мы сознаем наше *стол* не как основу только, не как какое-нибудь бесформенное *стекл-*, а как настоящее слово, имеющее форму именительно-винительного падежа единственного числа мужского рода существительного. Как же это так? Как узнаем мы в нем все это, раз в нем нет соответствующего окончания? Дело в том, что в языке существует огромное число других слов с тем же формальным значением (именительно-винительный падеж единственного числа мужского рода существительного) и тоже без формальной части (*стул, пол, комод, дом, сад, суд* и т. д.). Вот это-то одинаковое отсутствие чего-то у целого ряда слов и придает этим словам форму. Представим себе, что кто-нибудь видел большую толпу людей и описывает разные головные уборы

этой толпы. Если в этой толпе у заметного числа людей не было ничего на голове, то он, перечисливши все сорта шляп, шапок, картузов, чепцов и т. д., обязательно прибавит, что „были и простоволосые“, так что люди без всякого головного убора составят в его рассказе особую группу на равных правах с другими группами. Подобным же образом бесхвостость составляет важный признак семейства человекоподобных обезьян только потому, что у всех других обезьян есть хвост. Выходит, таким образом, что мы узнаем в этих словах форму не по окончанию, а по тому, что в них нет окончания, все равно как можем легко найти свои калоши без букв, если все чужие калоши с буквами. В сущности, мы производим в этих случаях такое же двойное сравнение, как и в слове *стекло*:

стол —, стул —, пол —, дом — и т. д.
стол а
стол у
стол овый
стол ешница
и т. д.

Вот почему и тут получается форма. Только тут слова верхнего ряда не распадаются на две части. Можно сказать, что они как бы распадаются на *стол + 0* (нуль), *дом + 0* и т. д., и вот по этим нулям-то мы и узнаем форму. Про такие слова можно сказать, что они имеют нулевую формальную часть.

Итак, форма слова есть особое свойство его, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой.

В одном и том же слове может быть и несколько формальных частей, а стало быть, и несколько форм. При этом формальные части могут стоять и в конце и в начале слова. Возьмем, например, слово *разговорчивый*. Так как в языке существуют ряды слов:

разговорчив ый, внимательный, добрый, умный и т. д.
разговорчив ая
разговорчив ое
разговорчив ее
разговорчив ость
разговорчив
и т. д.,

то слово распадается на основу *разговорчив-* (которую, конечно, не надо смешивать с отдельным словом *разговорчив*, заключающим в себе, кроме основы, еще нулевую формальную часть) и

формальную часть **-ый**. Но так как, далее, в языке существуют еще и ряды:

**разговорчивый, обманчивый, вкрадчивый, заносчивый,
разговориться уступчивый, находчивый, обидчивый**
разговорный и т. д.
разговорюсь
разговорились
и т. д.,

то основа **разговорчив-** в свою очередь распадается на **разговор + чив**. Из этих частей основное значение заключается, очевидно, в части **разговор-** (тоже не смешивать с отдельным словом **разговор**), а формальное в части **-чив-**. Следовательно, это **разговор-** будет новой основой, а **-чив-** — новой формальной частью. Далее, в языке существуют еще ряды:

**разговорчивый, разборчивый, размахистый, развесистый,
сговорчивый развязный** и т. д.
угovor
заговор
приговор
угovorиться
наговориться

и поэтому основа **разговор-** снова распадается на **раз + говор-**. Основной смысл слова заключается в части **говор-**, а формальный — в части **раз-**. Стало быть, это **говор-** и будет опять основой, а **раз-** — формальной частью. Основа же **говор-** ни на что уже более не распадается. Итак, наша первоначальная основа распалась на основу и формальную часть, а эта вторая основа — снова на основу и формальную часть. И в слове оказалось, таким образом, три формальные части: **раз + говор + чив + ый**. Таким же образом в слове **расположиться** будет пять формальных частей (**рас + по + лож + и + ть + ся**), в слове **распространившийся** — шесть формальных частей (**рас + про + стран + и + вш + ий + ся**) и т. д.

Такие основы, как **разговорчив-**, **разговор-**, **расположить-**, **расположи-**, **располож-**, **полож-** и т. д., т. е. способные распадаться на новую основу и формальную часть, называются производными; такие же, как и **стекл-**, **говор-**, **лож-** и т. д., — непроизводными основами, или корнями. Формальные части, стоящие перед корнем, называются префиксами, или приставками, формальные части, стоящие позади корня, — суффиксами, и те и другие вместе — аффиксами. Суффиксы, образующие окончание падежа (в склонении) или лица (в спряжении), называются нередко флексиями.

В одном и том же слове бывает не только несколько формальных частей, но и несколько основ, следующих одна за другой. Бывает это в так называемых сложных словах. В слове

пароход, например, сознаются две основы — *пар-* и *ход-*, в слове *конокрад* — *кон-* и *крад-*, в слове *овцевод* — *овц-* и *вод-* и т. д. Соединяющиеся таким образом основы могут быть и производными. В слове *пароходство*, например, вторая основа *ходств-* производная, так как сама распадается на *ход + ств-*, в слове *железнодорожный* обе основы производные, так как распадаются на *желез + н* и *дорож + н*. Как видно из всех этих примеров, в русском языке существуют и особые формальные части, служащие специально для соединения основ (так называемые „соединительные гласные“ *о* и *е*), т. е. особые формы сложения.

На примере нулевой формы мы уже видели, что отношения между формальными частями и формами слов не так просты, как между формами для статуй и отлитыми в них статуями. Слова *стол*, *пол*, *дом* и т. д. обладают формой, не имея формальной части. Укажем еще на несколько случаев подобного же несоответствия:

1. Одна и та же формальная часть может иметь несколько формальных значений. Так, *-о* в слове *стекло* обозначает и падеж, и число, и род, и часть речи, т. е. имеет четыре значения; *-у* в слове *веду* обозначает и лицо, и число, и время, и наклонение, и часть речи, т. е. имеет пять значений.

2. Одинаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно различные формальные значения. Так, например, флексия в словах *стола*, *быка*, *куста*, *стекла*, *окна* и т. д. обозначает род. пад. ед. ч., в словах *нога*, *рука*, *вода*, *голова* и т. д. — имен. пад. ед. ч., в словах *города*, *леса*, *бока*, *места*, *дела* и т. д. — имен.-вин. пад. мн. ч. Суффикс *-ец* в словах *хлебец*, *братец*, *народец* и т. д. обозначает уменьшительность, а в словах *подлец*, *скупец*, *храбрец*, *ленивец* и т. д. — лицо, проявляющее то или другое качество.

Нулевая формальная часть тоже может иметь разные значения. В словах *стол*, *пол*, *дом* и т. д. она обозначает имен. пад. ед. ч. м. р. существительного, в словах *рук*, *ног*, *голов*, *мест*, *дел*, *солдат*, *аршин* и т. д. — род. пад. мн. ч. всех родов, в словах *вез*, *нес*, *тек*, *пас*, *лез*, *рос* и т. д. — прошедшее время мужского рода глагола, в словах *прям*, *прост*, *глуп*, *скуп*, *нов*, *стар* и т. д. — несклоняемую форму мужского рода прилагательного, в словах *хлоп*, *бац*, *верть*, *хрясь*, *цап*, *прыг* и т. д. — особую неспрягаемую форму глагола. Все зависит от того, в какие ряды форм (т. е. в какие формальные категории, см. след. главу) вводятся в нашем сознании эти обрубки. Но, конечно, все это может совершаться только при большом запасе настоящих, ненулевых формальных частей, чем как раз отличается русский язык.

3. Различные по звукам формальные части могут иметь совершенно одинаковое значение. Так, фор-

мальная часть **-ы** в словах *столы, полы, возы, носы* и т. д. и формальная часть **-а** в словах *города, леса, бока, дома* и т. д. одинаково обозначают имен. пад. мн. ч. Формальная часть **-ов** в словах *столов, городов, домов* и т. д. и формальная часть **-ей** в словах *зверей, людей, гостей* и т. д. одинаково обозначают род. пад. мн. ч.

4. Одна и та же формальная часть может в различных словах принимать несколько различных вид, видоизменяться по звукам, не изменяясь несколько по значению. Так, в словах *возносить, возводить, воздвигать, восходить, воспарять* и т. д. имеется одна и та же приставка, но в двух разных видах: **воз-** и **вос-**. А в словах *взлетать, вздергивать, взбивать, вскипеть, встащить, встрепенуться* и т. д. та же приставка уже имеет вид **вз-** и **вс-** с пропущенным **о**. Значение же ее во всех этих словах совершенно одинаковое (она указывает направление движения снизу вверх). В словах *беловатый, желтоватый, красноватый, синеватый, рыжеватый, коричневатый* и т. д. один и тот же уменьшительный суффикс имеет два вида: **-оват-** и **-еват-**. В словах *молодец, молодцеватый, молодечество* один и тот же суффикс имеет три вида: **-ец-, -ц и -еч-**. В словах *писать, читать, нести, везти* и т. д. один и тот же суффикс, так называемого „неопределенного наклонения“, имеет два вида: **-ть** и **-ти**. То же происходит и с корнями. В словах *сохнуть, сухой, засыхать, сушить* один и тот же корень с совершенно одинаковым вещественным значением (потеря влаги) имеет четыре вида: **сох-, сух-, сых-** и **суш-**. В словах *мелет, помол, размалывать* имеется три вида корня: **мел-, мол-** и **мал-**; в словах *ходит, хожу, хождение, похаживать* — четыре вида корня: **ход-, хож-, хожд-** и **хаж-**; в словах *несу, ношу, вынос, вынашиваю* — четыре вида: **нес-, нош-, нос** и **наш-**; в словах *ухо* и *уши* — два вида: **ух-** и **уш-**; в словах *нога* и *ножка* — два вида: **ног-** и **нож-** и т. д.¹ Такое появление двух или нескольких разных звуков в одном и том же корне или в одной и той же формальной части называется чередованием звуков. Говорят, например, что в русском языке чередуются **е, о** и **а** (*нести* — *носить* — *нашивать*), **с** и **ш** (*носить* — *нашивать*), **ц** и **ч** (*купец* — *купечество*) и т. д. Чередування звуков могут иметь формальное значение. Поясним это примером. В словах *нашивать, хаживать, стаи-*

¹ Все примеры приведены с чисто орфографической точки зрения, как и почти все другие примеры этой книги. В живом, устном языке мы имеем не *ходит* — *хожу* — *хождение* — *хаживать*, а „*ходит* — *хажу* — *хажение*“, не *несу* — *ношу* — *вынос* — *вынашиваю*, а „*нису* — *нашу* — *вынас*“ (**э** — особый звук, средний между **ы** и **а**), не *нога* — *ножка*, а „*нага* — *ноги* — *ношка* — *ноженька*“ и т. д. Так как всякий грамотный русский гораздо яснее и вернее представляет себе буквы своего языка, чем звуки его, а в задачу нашу не могло входить ознакомление со звуками русского языка, то мы и подставили везде вместо звуков буквы, пользуясь тем, что грамматической стороны дела это не изменяет.

вать, размаривать, соскабливать, отпаривать, перемалывать, вымачивать, раскапывать, накалывать и т. д. есть оттенок особой длительности и даже отчасти повторяемости действия по сравнению со словами *ходить, носить, скоблить* и т. д. Это так называемая форма вида а, частью многократного, частью длительно-несовершенного, образуемая суффиксами *-ыв-* и *-ив-*. Но нетрудно заметить, что для слов этих характерны не одни эти *-ыв-* и *-ив-*, а и коренное *а* на месте обычного *о* (сравни *ходит* и *хаживает, колет* и *накалывает, порет* и *распаривает, мочит* и *вымачивает* и т. д.). И для нас этот оттенок длительности связан не только с суффиксами *-ыв-* и *-ив-*, но и с этим изменением *о* в *а*. Это видно из того, что всякий раз, когда мы хотим придать этот оттенок глаголу, которого мы до сих пор еще никогда не употребляли и ни от кого не слышали в этой форме, мы непременно переменим его *о* (если только оно есть в корне) на *а*, хотя бы форма и казалась нам необычной. Мы способны сказать, хотя бы и с некоторым стеснением, *этот борец всегда побарывает противников, я частенько браживал по этим местам, этот бык бодывал уже кое-кого*, но уж ни в каком случае мы не скажем „поборывает“, „броживал“, „бодывал“. Это значит, что оттенок длительности в нашем сознании неразрывно связан с этим *а*, что форма вида выражена здесь не только суффиксом, но и изменением коренного *о* в *а*, т. е. чередованием *о* и *а*. Вот в каком смысле и можно сказать, что чередование получило здесь формальное значение. Точно так же, например, появление *о* и *е* в словах *вилок, мисок, головок, ручек, ножек* и т. д. (а вставку и выпадение мы можем тоже рассматривать как своего рода чередование, где чередуются звук и отсутствие его в одном и том же корне или в одной и той же формальной части) очень способствует образованию данной формы. Если мы попробуем не вставлять этих *о* и *е*, то получим не род. пад. мн. ч., а нечто бесформенное, одну основу (*вилк-, миск-, головк-* и т. д.). Но, конечно, далеко не всякое чередование имеет формальное значение. Чередование, например *з* и *с* в приставке *воз-* — *вос-*, чередование *о* и *е* в суффиксе *-оват-* — *-еват-* не имеет ровно никакого значения. Кроме того, нужно помнить, что главную роль играют в русском языке все-таки формальные части, а чередования имеют лишь вспомогательное значение. Ведь тот самый оттенок, который мы воспринимаем в словах *нашивать, хаживать* и т. д. отчасти при помощи чередования *о* — *а*, мы сознаем в словах *сиживать, видывать, сказывать, поступкивать, распутывать* и т. д. и без всякого чередования, с помощью одних только суффиксов *-ыв-* и *-ив-*. Точно так же в словах *рук, ног, голов* и т. д. мы с помощью одной нулевой формальной части так же хорошо сознаем род. пад. мн. ч., как и в словах *ручек, ножек, головок* и т. д., где этому помогают и вставные *о* и *е*.

Рядом с чередованием, а иногда и помимо него, формальное значение может сознаться и в связи с местом ударения слова. Так, в формах *воду, ногу, гору, нору, пору, полу* и т. д. вин. ед. сознается не только благодаря формальной части *-у* и не только благодаря чередованию в основе звуков *о* и *а* (ср. имен., как он слышится „вада“, „нага“, „гара“, „пара“, „пала“ и т. д.), но и благодаря ударению на первом слоге. Формы имен. мн. *воды, ноги, вёсны, дёсны, бороды, головы* тоже отличаются от форм род. ед. „вады“, „наги“, „висны“, „дисны“, „бэрады“, „гэлавы“ не только чередованием, но и ударением, а такие формы, как *пилы, икры, иглы, руки, спины, трубы, струи* и т. д., от таких, как *пилы́, икры́, иглы́, руки́, спины́, трубы́, струи́* и т. д., уже только одним ударением, всецело помогающим здесь различить два совершенно различных грамматических значения. Что место ударения сознается здесь нами как формальный признак, можно видеть из тех случаев, когда нам приходится образовать непривычный именительный множественного от слов, употребляющихся только в ед. ч.: мы скорее скажем *муки, уши* (от слов *мука́ и уха́* в смысле разных сортов муки и разных видов уха), чем *муки́, уши́*, инстинктивно стремясь отличить этим способом множественное от единственного. Точно так же между *получите* и *получите́, напишете* и *напишете́, делите* и *делите́, ходите* и *ходите́, носите* и *носяте́, возите* и *возите́* и т. д. различие в наклонении выражено, главным образом, местом ударения, а в таких случаях, как *пилите* — *пилите́, варите* — *варите́, валите* — *валите́, будите* — *будите́, купите* — *купите́* и т. д., даже только одним этим признаком. В языках, в которых различаются разные виды ударений в зависимости от силы и от тона звука (восходящее, нисходящее, усиливающееся, ослабевающее и т. д.), такие же значения могут создаваться и этими различиями. Но и тут надо заметить, что такого цельного ряда случаев, где форма обозначалась бы только ударением, в русском языке нет. Так, различие в ударении между имен. мн. и род. ед. женских существительных на *-а*, одно из самых живых и ярких различий этого рода, проведено далеко не по всем словам (ср. *рыбы, думы, бабы, картины, комнаты, барыни* с обоими значениями), различие между изъявительным и повелительным наклонениями — тоже (ср. *вели́те, хоти́те, спешите́, смеши́те, гори́те, ца́ри́те* и т. д., с обоими значениями). Таким образом, и этот признак в русском языке может иметь только подсобное значение, а главными формальными признаками остаются опять-таки отдельные формальные части.

В некоторых языках чередования звуков могут приобретать большое значение. В семитских языках (например, арабском, древнееврейском, ассирийском и др.) большинство форм образуется совсем без формальных частей, только одними чередованиями. Ка-

taba (катаба), например, значит по-арабски „он написал“, *kutiba* (кутиба) — „он был написан“, *katibun* (катибун) — „писец, пишущий“, *kitabun* (китабун) — „книга“ (написанное) и т. д. Здесь вещественное значение, т. е. самое понятие письма, изображения человеческой речи зрительными знаками, выражается все время звуками *k—t—b*, а формальные значения (части речи, залог) — чередованиями *a— a— a*, *u—i— a*, *a—i— u*, *l— a— u* и т. д. Единственный суффикс, который мы в этих примерах видим, это *-n-* (суффикс существительного), но и он не обязателен (употребляется только тогда, когда при существительном нет никакого определяющего слова. Склонение производится тоже исключительно переменной гласных: *katibun* — имен. пад., *katibin* — род., *katiban* — вин. (других падежей нет). Точно так же понятие убийства выражается сочетанием согласных *q—t—l* (*qatala* — „он убил“, *qutila* — „он был убит“, *qatlun* — „убийство“), понятие власти — сочетанием согласных *m—l—k* (*malaka* — „он овладел, воцарился“, *malkun* — „царь“, *mulkun* — „царство“, *milkun* — „захваченная вещь“) и т. д. И вообще согласные в семитских языках имеют вещественное значение, а гласные — формальное. Здесь (как отчасти и в случаях типа *пиль — пильи*, *икры — икрыи*) уже трудно говорить о распадении слова на части, и, расширяя наше определение формы слова применительно ко всем языкам человеческим, нам придется несколько сложнее, но зато точнее и научнее определить форму слова как способность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные.

Заканчивая главу, считаем нужным подчеркнуть еще раз, что:

- 1) всякая форма в слове создается в русском языке распадением в сознании говорящего данного слова на вещественную и формальную части,
- 2) каждая из этих частей имеет свое значение,
- 3) таким образом, в каждом слове, имеющем форму, заключено, с грамматической точки зрения, не одно значение, а по меньшей мере два: вещественное и формальное; в огромном же большинстве случаев в одном и том же слове значений еще больше, потому что формальных значений почти всегда несколько.

II. ПОНЯТИЕ О ФОРМАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СЛОВ.

Выше мы видели, что между звуковой стороной формы слов и ее значением наблюдается очень много несоответствий. Из них важнейшее для русского языка то, что одна и та же формальная часть может иметь несколько значений, и притом значений совершенно разнородных, не допускающих никакого объединения (например, значения падежа, числа, рода и части речи в форме *стекло*, см. стр. 18). Это чрезвычайно затрудняет наши суждения о таких формах. Когда мы имеем в виду звуковую сторону такой формы, мы говорим о ней как о чем-то едином и в этом случае мы совершенно правы: распадение одно, формальная часть одна, следовательно и форма одна. Когда же мы говорим о внутренней стороне такой формы, т. е. о значении ее, нам уже никак нельзя относиться к ней как к единству, и приходится говорить как бы о двух, трех, четырех и т. д. различных формах („форма падежа“, „форма числа“ и т. д.). Лучше всего говорить в таких случаях об одной и той же форме, распределенной между разными формальными категориями. Сейчас мы увидим, что это значит.

Возьмем, положим, глагольные формы *неси, веди, люби* и т. д. В формальной части их *-и* мы находим то значение, которое называется обычно значением повелительного наклонения (подробности об этом значении см. в гл. X). Совершенно то же значение, без малейших изменений, мы найдем и в формах *вынь, тронь, правь, грабь, сядь, жарь, трусь, трать* и т. д., т. е. в формах со смягчением последнего согласного основы и с нулевым аффиксом (на письме аффиксом является *-ь*). Далее, мы найдем его же в формах *читай, гуляй, жалей, толстей, рисуй, торжествуй*, т. е. в глаголах с основами на *-й* и тоже с нулевым аффиксом (ср. „гуляйу“, „гуляйа“ и т. д.; на письме аффиксом является, конечно, *-й*: *гуляю — гуляй*). Таким образом, три совершенно различных ряда форм с тремя различными формальными частями (на письме окончания *-и, -ь, -й*) образуют по значению один ряд, не допускающий никакого разделения. Далее, сравнивая наши три ряда *неси, вынь, гуляй*

с рядами *несите, выньте, гуляйте*, мы найдем, что в отношении повелительного значения ничего не изменилось. Изменилось что-то другое, о чем мы будем говорить в ближайших строках, но повелительный оттенок остался совершенно тот же. Следовательно, мы уже шесть рядов форм можем объединить по значению повеления в один ряд. Вот такой-то ряд форм, различных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть одной формальной категорией слов, в данном случае категорией повелительного наклонения глагола.

Но в аффиксе *-и* формы *неси* (так же как и в приметах форм *вынь* и *гуляй*) заключается не одно значение повеления. Сравнивая эту форму с формами *несу* (также *ем, дам*), *несешь, несет, нес, несла, несло, нес бы, несла бы, несло бы*, а с другой стороны, с формами *несем, несете, несут, едят, несли, несли бы, несите*, замечаем, что в форме *неси* выражено еще то, что называется обычно единственным числом. И по этому значению между формами *неси* и *несите* будет уже огромная разница, а между формами *неси* и *несу, несешь, несет, нес, несла* и т. д. не будет никакой разницы. Стало быть, по этому значению форма *неси* отделится от формы *несите* и объединится с совершенно другим рядом форм (*несу, несешь* и т. д.), образуя с ним одну формальную категорию единственного числа глагола.

Далее, сравнивая наше *неси* с формами *несешь, несете, несите*, с одной стороны, и с формами *несу, несет, несем, несут* — с другой, находим в аффиксе *-и* еще значение второго лица (впоследствии мы подробнее скажем, что это значит) и по этому значению объединяем форму *неси* с формами *несешь, несете, несите* в категорию второго лица глагола.

Сравнивая *неси* и *несись*, открываем в нашей форме еще одно значение, по которому она принадлежит уже к новой, четвертой формальной категории, к категории не возвратного залога глагола.

Наконец, сравнивая *неси* с *понеси, принеси, унеси* и т. д., открываем еще одно значение, по которому форма эта принадлежит к пятой формальной категории, к категории несовершенного вида.

Таким образом, одна и та же форма может распределяться по разным категориям, а категории оказываются такими рядами форм, которые: 1) объединены каждым значением тех форм, которые в них входят, 2) отличаются друг от друга и значением и звуками тех форм, которые в них входят, причем последнее отличие может быть либо полным, в том смысле, что ни одна из форм данной категории не совпадает по звукам ни с одной из форм другой категории, либо частичным, в том смысле, что часть форм одной категории совпадает по звукам с частью форм другой, а часть не совпадает. Первое